

Евграф Жданко

*«Angie», или
Волчица
Софья*

Евграф Жданко «Angie», или Волчица Софья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745060

ISBN 9785449020802

Аннотация

Почти фантастическая история о любви, основанная на реальных событиях. Время действия – 70-е годы XX века. Место действия – Советская Россия.

Содержание

«ANGIE», или Волчица Софья	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

«Angie», или Волчица Софья

Евграф Жданко

© Евграф Жданко, 2018

ISBN 978-5-4490-2080-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ANGIE», или Волчица Софья

Посвящается моим школьным учителям

– Порывы ветра – точно бич,
И никуда от них не деться;
Студёным воздухом они секут, секут, секут...

– А ты представь, что это образы из детства,
И станет легче – пусть на несколько минут.

– Но если детство – череда
Вполне бесцветных впечатлений,
И нет в них жизни, что зовёт, зовёт, зовёт?..

– Не обращай в печаль поры своей весенней
В час, когда осень всюду празднует приход.

*(из разговора в пустынном парке
нечаянно услышанного в конце октября)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Был знойный август,
Рожь в полях уж колосилась,
Кой-где пожухла обожжённая трава,
И пыль дорожная по воздуху носилась,
Садясь в дворах на стены, крыши и дрова;

Везде на грядках розовели помидоры,
Укрывшись листьями, лежали кабачки;
То там, то сям, крупой ссыпаясь под заборы,
В кустах акаций с треском лопались стручки...
И так бывало здесь и сто и двести лет —
С тех самых пор, как воцарился божий свет.

Полузаметна,
Точно бурая медянка,
Скользит фигурка, меж хлебов едва видна;
Светло и тихо, лишь в версте, у полустанка,
Состав простукает – и снова тишина...
Косынкой старенькой прихвачена макушка,
Кофтёнка в клеточку, туфлишки на ремне,
Идёт вприпрыжку, лет двенадцать ей, девчушка
С потёртым «сидором» на худенькой спине.
...Ах, Соня, Соня, стать бы ангелом твоим!
Да всё не так, увы, как мы того хотим...

За поворотом —
Перелесок, и дорога
Вильнёт чуть вправо, а затем – на косогор;
Его минуешь, попылишь ещё немного,
И пред тобой возникнет вдруг сосновый бор.
Ну а за ним – пшеница аж до горизонта,
Куда ни ткнишь – сплошная жёлтая стена.

И тут же стан: комбайн, бытовка, пункт ремонта,
Живые люди и работа дотемна.

«Как там отец? Небось как волк оголодал...

И ночь не спал ведь толком, в поле хлопотал.»

С полкилометра —

И замасленным металлом

Пахнёт с пригорка, где костёр вовсю горит,

И достают из тени куль с солёным салом,

И на простынке хлеб нарезан и лежит.

А молоко? Да вот оно, уж на подходе,

Тихонько булькает во фляге за плечом.

Горячий полдень, ни клочка на небосводе;

Ну да слепням-то этот полдень нипочём:

Жужжат назойливо, кусаются порой...

Шёл век двадцатый, год был семьдесят второй.

Вдоль перелеска

Стадо движется лениво,

Бурёнки бьют хвостами, изредка мычат;

Телята бегают меж мамок суетливо

И мордой сунуться под вымя норовят.

Заткнув за пояс кнут ремённый, колченого

За ними Венька поспешает, Черепок

(он хоть дурак, но, говорят, пастух от бога),

В руке в края малины полный туесок.

«Дядь Вень, привет! Малинкой свежей угости:
Во рту иссохло всё, а мне ещё идти...»

Его рожали

Очень трудно, с голодухи:

Ещё гремела там, на Западе, война.

А что колхоз?.. Ни медсестры, ни повитухи,

Ни хлеба вдоволь, ни «декрета» – ни хрена!

Сил роженице на потуги не хватало —

Тащили за голову бедного мальчика;

Видать, сдавили крепко, вот она и стала

По форме вроде страусиного яйца.

Так и прозвали парня Венькой Черепком...

И был он в общем безобидным мужиком.

Живёт поверье

(до сих пор, назло прогрессу),

Что-де к юродивому Бог благоволит

И без излишнего частенько *политесу*

Тот правду-матку напрямую говорит,

А значит, благ, особо, так сказать, отмечен.

Хотя и шельма ведь без метки никуда...

Как бы то ни было, никто не безупречен,

И исключенье есть из правила всегда:

Сей дух, казалось бы, бесхитростный до дна,

На миг короткий «приголубил» Сатана.

...Лишь на мгновенье
Поддалась бедняжка шоку,
Когда урод её на землю повалил,
И сразу стала отбиваться: снизу, сбоку
Лупить, кусать, ногтями драть что было сил.
Откуда мощь взялась в тщедушном этом теле,
Как будто сбитом из игрушечных костей?..
Нет, не кричала, не звала, лишь зло скрипели
Девичьи зубы в лунках сжатых челюстей.
И так бывает всякий раз, когда на свет
Находит тьма. Иных рецептов просто нет.

...Уж кровоточил
Нос, расквашенный ударом,
И кожа клочьями свисала на щеках,
А он всё лез к плечам, чуть тронутым загаром,
И норовил суставы вывернуть в локтях;
Схватив за лямки волосатыми руками,
Рванул ей майку и как будто захмелел,
Увидев грудь с уже недетскими сосками,
Слюнявый ком сглотнул и вовсе ошалел.
Но кнут оброненный попался ей как раз...
Не крик, а рык – да и всадила прямо в глаз!

Пока насильник,

Взвыв, как пёс, от адской боли,
Пронзившей мозг, переключился на себя,
Она вскочила и – стремглав подальше, в поле,
Как есть, раздетая, рыдая и хрипя;
Глаза не видели, куда ступают ноги
В безумной гонке, только ветра свист в ушах.
Весь мир был ужас в тот момент, и мысль о Боге
Имела вид одной мольбы в её устах:
«Дай силы, Господи, на несколько минут:
До стана б только добежать, а там спасут!»

...Отец мыл руки,
Все готовились к обеду,
Когда Силантыч, техник местной РТС*
Подкинув палочек в костёр, прервал беседу
И встал с мешком под мышкой, чтоб в соседний лес
Сходить, брусничного листа набрать для чая
(в котле вода давно играла пузырьком),
Но как-то замер, будто что соображая,
Ладонь ко лбу приставив плоским козырьком:
«Гляди, Никола, то не Сонюшка ль твоя...
Да всё ли ладно?.. Не пойму чего-то я.»

* РТС – ремонтно-техническая станция. – *Е. Ж.*

...На четвереньках

Доползла до кромки нивы,
Свалилась на бок и затихла на стерне;
Пришла в себя уже под сенью старой ивы —
Всё как бы тонет в непривычной пелене:
Отец с беззвучно говорящими губами,
До боли крепко прижимающий к груди;
Силантьич с кружкой, корень, пахнувший грибами...
И мысль, что *это* — там, не рядом, позади.
Да слово «кто?», одно прорвавшееся в слух.
...И еле слышно так, на выдохе: «Пасту-ух.»

...Бежать не долго,
Когда дух, предавшись злобе,
Летит вперёд, а ноги только поспевай.
Как был, в промасленных штанах и потной робе,
В мгновенье ока очутился Николай
У края леса, где судьба прошла по Соне.
...Урод стонал, держась за щёку под скулой;
Глазное яблоко лежало на ладони,
И нерв при нём ещё пульсировал, живой.
Коль быть чему, уже не спрячешься под спуд!
И грянул бешеный отцовский самосуд.

...Так и убил бы,
Да Силантьич с мужиками
Явился вовремя, не дав свершить греха:

Схватил в охапку, сжал не хуже чем тискаами
И оттащил подальше в лес от пастуха.
Минуты две влекла с собой слепая сила,
И Николай пытался вырваться, вскочить,
Добить убогого, но ярость уходила
(ну и Силантьича ли крутости учить!);
А там и вовсе трепыхаться перестал,
Уткнулся технику в плечо и зарыдал.

...Спала бедняга
Под овчинкою в бытовке;
Тихонько тучки проплывали за стеклом;
Отец с Силантьичем, надев свои спецовки,
Возились с фильтром над заваленным столом.
Всё будто встало на места и методично
Вновь покатилося по обычной колее,
Как то бывает после праздников обычно
Или невзгод в давно притёршейся семье.
Но только этот, столь отрадный сердцу бор
Стал нелюбимым и пугающим с тех пор.

...А что до Веньки,
Жизни мутной и бесцельной
Положен был судьбою свой урочный срок:
Спустя полгода на отвале у котельной,
Напившись пьян, замёрз несчастный Черепок.

Холодный труп его без вскрытия обмыли
(родни поблизости у парня не нашли),
Свезли на кладбище и тихо схоронили,
Насыпав холм из мёрзлой глинистой земли.
Там ни надгробия, ни стелы, ни креста...
Была лишь бирка, в пару лет сгнила и та.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«К чему всё помнить? —
Записные малoverы,
Возможно, скажут мне. – Придёт конец времён» —
И приведут тому достойные примеры
И назовут с десяток, может быть, имён,
Когда-то бывших в центре сплетен и разбора,
А ныне ставших – много! – строчкой словаря...
И я вздохну, не дав им импульса для спора,
Явлю безуглость, неформально говоря.
А как иначе, если память – это свет,
Один мерцающий в штормах житейских бед?..

...Прошло три года,
Соня сильно повзрослела:
Забыты куклы и шкатулка с мулине;
Частенько вечером сидит она без дела,
Том Джонс, Дин Рид, Ален Делон, Морис Роне

Со стенки смотрят на неё и в мир девичий
Привносят тайну и особый колорит.
Снаружи всё в пределах принятых приличий,
Внутри же огонь испепеляющий горит.
Пора надежд и ожиданий заодно...
Ну и любви, как в романтическом кино.

•••••

В девятом классе
(буква «б» вверху и справа)
Сентябрьским утром тем был форменный содом:
Акселераток бойких шумная орава
Пошла «спасать», как говорится, всем гуртом,
Альбом лирический одной из них, украдкой
Из ранца выдернутый кем-то из ребят
(у школьных барышень владеть такой тетрадкой
считалось нормой тридцать-сорок лет назад).
Да и момент для потасовки в самый раз:
Ни «исторички», ни замены битый час.

Раз, два – и повод
Никому уже не важен:
В пятнадцать важно *показать* и *доказать*;
Дух данной группы был спонтанно взбудоражен,
А дальше всё само собой пошло «плясать».

Дверь между тем с негромким стуком отворилась,
Создав сквозняк из приоткрытого окна,
Улёгся гвалт, и в классе быстро воцарилась
Не то чтоб мёртвая, но всё же тишина...
«Так что за смута здесь? – Мне что-то невдомёк.
Прошу садиться. Я ваш новый педагог.»

...И до чего же
Непохож на этих местных,
Давно знакомых ей совхозных мужиков,
Каких-то включенных и малоинтересных,
Нередко пьяных – дядек, братьев, свояков:
Густые волосы, ни плечи, ни сединки,
Рубашка импортная с галстуком под цвет,
Костюмчик в клеточку, сидит как на картинке...
И оч-чень строг в свои неполных тридцать лет.
«А ведь он снился мне недавно на заре,
Да сон прервался: хряк вдруг взвизгнул во дворе.»

...И то ли осень
Задержалась по дороге
И не поспела с листопадом в этот день;
Иль, может, просто две осинки-недотроги
Не захотели проредить до срока сень...
Но только где-то, там, в груди премилой Сони,
Весенней свежестью провеял ветерок,

После чего у нашей признанной тихони
В глазах по искорке светилось весь урок.
И как по смыслу тут наглядно разложить?..
Иные вещи можно только пережить.

И нежным фоном,
Без конца и без начала,
Напоминая вокализ и вместе зов,
В ней точно волей чьей протяжно зазвучала
Полупечаль-полумелодия без слов.
Нельзя сказать, что Соне это было внове:
Случалась мысленных аккордов череда.
Однако так, подобно току свежей крови —
Такого раньше не бывало никогда.
«Я – как над бездной, и нога занесена...
И если вниз, то уж до самого до дна!»

•••••

Куда б ни делся
Свет, прорезавший потёмки,
Он оставляет на сетчатке некий след,
И тот висит ещё пятном у самой кромки,
Тревожа в памяти мистический сюжет:
Всплывают медленно неясные картины
Из чьих-то жизней, но похожих на твою;

Черты, подёрнутые плёнкою патины,
И даже шёпот будто слышен: «Дежавю-ю».
«Зачем рвалось и вдруг застыло на губах?
Что происходит? Почему так сладок страх?»

•••••

Его уроки

(по новаторской методе)

Начальство вскоре стало ставить всем в пример:

Весьма силён в диалектическом подходе

(хотя и пишет план-конспект на свой манер),

Первоисточники и тексты резолюций,

Решенья съездов точно знает назубок;

А что касается великих революций,

Так это чуть ли не единственный конёк:

Как скажут «Кромвель», «Робеспьер» или «Марат»,

Готов и час проговорить и два подряд.

...К тому же холост,

Что с учётом *контингента*

(В педштате школы шесть безмужних молодых.

А это, знаете ли, тридцать два процента!)

Питает почву для надежд, и мысли вслух

На *этот* счёт нет-нет да кто-нибудь и бросит —

Как бы случайно, между делом, на бегу.

Ну а молва их подбирает и разносит,
Меняя суть в угоду другу и врагу...
А впрочем, не было интриги никакой,
Для всех в совхозе *он* был просто *городской*.

Он поселился
В тесной съёмной комнатухе
(в общагу, в «номер» на двоих, не захотел);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.